

СЧАСТЬЕ КАК ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ И НОРМАТИВНЫЙ КОМПЛЕКС КУЛЬТУРЫ

Одним из самых интересных понятий этики является представление о счастье. Понимание счастья людьми соответствует условиям их жизни и интересам, сугубо индивидуально и отличается от его научного осмысления. Счастье наполнено богатым конкретным содержанием. В нем с наибольшей силой выражено единичное, отражающее более широкое общее. Еще в XVIII в. французский социалист-утопист Ш. Фурье, подсчитал, что в Риме существовало 87 противоречивых мнений относительно того, что такое истинное счастье. И сегодня также имеет место огромное разнообразие в индивидуальном понимании счастья, что объясняется его содержанием, которое не остается неизменным при любых условиях. Понимание счастья меняется конкретно — исторически, социально и даже этнически. Разные народы неодинаково понимают счастье. К примеру, в древней «Шуц-зин» («Книга истории» или «Книга документов»), по преданию, составленной и обработанной Конфуцием (Кун-цзы-551-479гг. до н. э.), отмечаются пять проявлений счастья и шесть — несчастья. Какие именно? К проявлениям счастья относили: долголетие, богатство, здоровье тела, спокойствие духа (или «любовь к целомудрию») и спокойную кончину. А к проявлениям несчастья причисляли: сокращенную бедствиями жизнь, болезнь, горе, нищету, уродство тела и слабость ума. В соответствии с данным представлением выстраивалась система обучения, одной из задач которой являлась социализация и инкультурация ребенка. Китайские народные пословицы ярко представляют педагогические заповеди, например: «Беде или счастью - сам человек хозяин»; «Счастье всегда впереди»; «У семьи, творящей добро, счастье в избытке». Таким образом, в восточном обществе

представления о счастье как высшем благе для человека было неразрывно связано с понятием о благе для общества.

В данной статье перед нами не стоит задача провести кросс-культурный анализ понимания счастья в восточной и европейской традициях. В тоже время мы не можем не отметить тот факт, что культура каждого общества, этноса формирует свое представление о цели человеческой жизни, о высшем благе. Индивид не усвоивший данный социокультурный код фактически может быть отнесен к дезадаптированным или асоциальным личностям [1]. Для того, чтобы разобраться в механизмах влияния представления о счастье как нормативном комплексе на отдельно взятую личность рассмотрим понятие «культура».

Этимология термина «культура» выявляет защитные функции присущие данному явлению. Древние племена, населявшие долину между Тигром и Евфратом, обозначали понятием «Ур» все лучшее, божественное. Столицами в разные периоды существования племен шумеров были Ур и Урук, что переводилось как города Богов. Спустя 6 тысяч лет, радуясь, мы произносим «Ура!», то есть, по сути, обращаемся к богам за защитой, помощью или со словами благодарности (сравните с обращением к Богу солнца у египтян - О-Ра!). Горная цепь на территории России именуется «Урал», то есть «возвышенность». А все самое лучшее, божественное в человеке и обществе стали называть «культ-ура», «культ - божественного». Таким образом, становится понятным трепетное отношение человечества на всем протяжении истории к лучшим достижениям культуры, желание сохранить ее и совершенствовать. Поскольку именно она — «культ-ура», становится тем идеалом, которому хочется следовать, и на который необходимо равняться.

Однако необходимо признать, что трансформация понятия данного термина имела и имеет место. Так впервые данный термин появляется в немецких книгах в 1774 г., а в словаре – 1783 г., оно имело два смысловых оттенка. Первый оттенок — культура как господство человека над природой

с помощью наук и ремесел. Второй оттенок — культура как внутреннее душевное состояние и духовное богатство личности.

В России слово культура впервые отражено в «Карманном словаре иностранных слов» В.Кириллова в 1846 году, где оно расшифровывается как целенаправленная деятельность для пробуждения дремлющих в предмете сил и как известная степень развития этой деятельности. В.Даль в 1865 г. раскрывает слово культура через понятие умственного и нравственного образования.

Трансформации термина «культура» на протяжении нескольких веков посвящена книга И. Нидермана «Культура, становление и изменение понятия и заменяющие его понятия от Цицерона до Гердера» — книга, ставшая в своем роде классической. Автор фундаментально проследил изменение значения слова.

Исследованием культуры как самобытного явления занимались известные европейские и американские ученые. Среди них следует в первую очередь отметить выдающегося английского этнографа и историка культуры Э.Тайлора; крупного английского религиоведа и этнолога Д.Фрезера; выдающегося франко-немецкого мыслителя-гуманиста, проницательного исследователя культуры А.Швейцера; выдающегося нидерландского историка культуры Йохана Хейзинги; крупных американских культурологов Д.Белла, А.Кребера, К.Клакхона, М.Мид, Л.Уайта, и др.

Отечественная наука внесла заметный вклад в развитие культурологической мысли. Культурология в России представлена, прежде всего, работами Н.Я.Данилевского, Н.А.Бердяева, С.С.Аверинцева, М.М.Бахтин, А.Меня.

Свои оригинальные подходы к культуре сделали русские, советские и российские исследователи А.И.Арнольдов, С.Н.Артановский, С.А.Арутюнов, В.С.Библер, П.С.Гуревич, Б.С.Ерасов, Н.С.Злобин, Э.В.Ильенков, Д.С.Лихачев, Л.Н.Коган, А.Ф.Лосев, Ю.М.Лотман, М.Мамардашвили,

Э.С.Маркарян, В.М.Межуев, Э.В.Соколов, П.А.Сорокин, П.Флоренский, Н.З.Чавчавадзе, Н.Н.Чебоксаров, И.А.Чебоксарова, Ю.В.Яковец.

Значительный вклад в философское осмысление культуры внес М.С. Каган, который впервые в отечественной и мировой культурологии применил для решения этой задачи системно-синергетический подход, позволивший ему раскрыть место культуры в системе бытия, дать оригинальную трактовку строению и функционированию культуры, показать механизмы и закономерности саморазвития культурных систем. Философская концепция культуры, представляющая ее как целостную систему, разработана М.С.Каганом в книге «Философия культуры». Автор выделяет следующие подходы к изучению культуры:

- описательные,
- исторические,
- нормативные,
- психологические,
- структурные,
- генетические и т. д.

Насчитывается несколько сотен определений культуры. В частности, культура рассматривается как комплекс знаний, верований, искусств, законов, морали, обычаев и других способностей и привычек, обретенных человеком как членом общества (Э. Тэйлор); опредмеченные сущностные силы человека (К. Маркс); единство всех форм традиционного поведения (М. Мид); механизм социального наследования и обобщенный образ жизни народа (Б. Малиновский, К. Клакхон); сверхорганический универсум, охватывающий представления, ценности, нормы, их взаимодействие и взаимоотношения (П. Сорокин); социальные формы и способы облагораживания биологических потенций человека (Х. Ортега-и-Гассет); формы коллективного поведения человека, группы, общности (К. Юнг); сотворенная человеком часть окружающей среды (М. Херскович); система символической организации объектов, актов, идей и чувств (Л. Уайт);

процесс прогрессирующего самоосвобождения человека, в котором язык, искусство, религия, наука возникают на его различных фазах (Э. Кассирер); структура наук и искусств, соотносимая с языком, возвышающая человека над самим собою и придающая ценность его жизни (Р. Тшуми); процесс и результат сублимированного Эроса (З. Фрейд); совокупность стабильных интеллектуальных элементов, обеспечивающих память мира (А. Моль); условие и способ реализации верховных ценностей путем культивирования высших человеческих достоинств (М. Хайдеггер); совокупность религиозной, научной, художественной, технической, политической и общественно-экономической деятельности (Н. Данилевский); «духовная настроенность», выражающаяся в вере в «постепенное и непрерывное нравственное и умственное совершенствование человечества» (С. Франк); совокупность материальных и духовных ценностей (Г. Францев); способ человеческой деятельности (Э. Маркарян); деятельность общества, преобразующая природу (Э. Баллер); совокупность текстов, знаковых систем и механизмов их создания, а также социально наследуемая система запретов и предписаний (Ю. Лотман. Б. Успенский); духовное бытие общества (Л. Кертман); совокупность материальных и духовных предметов человеческой деятельности, организационных форм, процессов, состояний и видов человеческой деятельности (Э. Соколов); система регулятивов человеческой деятельности, несущая в себе аккумулированный опыт, накопленный человеческим разумом (В. Давидович и Ю. Жданов); деятельно-практическое единство человека с природой и обществом, определенный способ его природно- и социально- детерминированного деятельного существования (В. Межуев); исторически изменяющаяся в процессе общественного развития система производства, хранения, распределения и потребления духовных ценностей, соответствующая конкретно-историческим социальным условиям (М. Ешич); характеристика меры развития человека в качестве субъекта деятельности, овладения этим субъектом условиями и способами человеческой деятельности в различных сферах общественной жизни (В.

Келле); система хранения и передачи социального опыта, основу которого составляет достигнутый обществом уровень развития сущностных сил человека (В. Конев); объективированная форма творческого бытия (Г. Давыдова); программа социального наследования (Н. Дубинин); способ и технология деятельности, обусловленные и обуславливающие «разрешающие» возможности человека (М. Мамардашвили); творческая деятельность человека как «опредмеченная» в культурных ценностях, так и распредмечивающая эти ценности (Н. Злобин); мера и способ формирования и развития сущностных сил человека в ходе его социальной деятельности (Л. Коган); система средств хранения и передачи социального опыта (Л. Клейн); система духовного производства, которая охватывает создание, хранение, распространение и потребление духовных ценностей, взглядов, знаний и ориентации (Б. Ерасов); совокупность материальных и духовных ценностей, обращенная к человеку и обеспечивающая преемственность традиций (В. Добрынина); форма социальной терапии (В. Налимов); способность общественной жизни производить и воспроизводить человека — свободного субъекта исторического процесса, формировать целостную личность безотносительно заранее заданного масштаба (Т. Дридзе, Э. Орлова); сознательная работа духа над совершенствованием, упорядочением всего, что окружает человека (П. Гуревич); система внегенетической связи человека, природы, общества, обеспечивающая деятельное существование и непрерывное развитие человечества как единого целого (М. Каган).

Последняя концепция представляется нам наиболее интересной (в контексте данной публикации) и методологически обоснованной, поэтому более подробно рассмотрим её содержание. Исходная методологическая установка, реализованная в данной концепции — рассмотрение культуры в системе бытия как одной из подсистем, исторически возникшей для удовлетворения определенных потребностей. Ее структурно-генетический анализ показывает, что культура возникает тогда, когда в ходе развития природы, исходной онтологической реалии, рождается сверхприродное

образование — человеческое общество, со своими, неизвестными природе, законами строения, функционирования и развития, что сделало самого человека природно-социальным существом.

В широком философском смысле культура по масштабу своему оказывается сопоставимой и с человеком, и с обществом, и с природой — основными формами бытия. Первой формой бытия является природа. На определенной ступени исторического развития природы возникает вторая форма бытия — общество людей. Человек — воплощенное единство природы и общества — третья форма бытия. Деятельность людей превращается в культуру — новую форму бытия, необходимую для выживания и развития рода *Homo sapiens*. Конечно, этому взгляду предшествовали работы, в которых авторы говорили о том, что культура в самом широком смысле предстает как весь массив человеческого бытия.

Культура как четвертая форма бытия, которая образуется человеческой деятельностью, включает в себя:

- а) качества человека, которые формируются в ходе становления человечества и воссоздаются каждый раз вновь в ходе становления индивида;
- б) способы деятельности, которые изобретаются человеком и передаются из поколения в поколение;
- в) многообразие материальных, духовных, художественных предметов, в которых опредмечиваются процессы деятельности;
- г) вторичные способы деятельности, распредмечивающие человеческие качества, хранящиеся в предметах культуры;
- д) вновь человека как продукта творения культуры;
- е) связь процессов опредмечивания и распредмечивания с общением действующих в них людей.

Тем самым культура, сохраняя природные, физико-химические и биологические качества человека формирует в каждом индивиде, входящем в жизнь лишь как «кандидат в человека», по остроумному определению одного французского психолога, собственно человеческие качества, приобщает его к

роду, очеловечивает его в буквальном смысле слова, подобно тому, как она это сделала в филогенезе с человеческим родом.

В этом смысле открытый физиологами закон: «Онтогенез повторяет филогенез», — т.е. структура процесса формирования индивида подобна ходу становления вида, к которому принадлежит индивид, — действует и на уровне культуры»[2]. Культура включает в себя человека, ведь она творит его, воспитывает, внедряется в его сознание и поведение, его душу и тело, в силу чего он становится носителем культуры, а затем, в свою очередь, воздействует на нее, обогащает ее, т.е. оказывается творцом. Культура живет в людях, их творчестве, активности, переживаниях, творениях. Люди, в свою очередь, живут в культуре, т.е. являются одновременно и объектами, и субъектами культуры.

Итак, цикл функционирования культуры начинается с человека и возвращается к человеку, поскольку он является не только творцом культуры, но и ее творением. При развертывании цикла в исторической плоскости получается спираль — образ прогресса культуры. Но при этом необходимо учитывать тот факт, что «функционирование культуры как механизма внегенетического наследования отличается от наследования биогенетического тем, что информация, получаемая каждым индивидом, нетождественна той, которой располагали его предки, поэтому поведение и деятельность каждого нового поколения не повторяет буквально поведение и деятельность предшествующих поколений, как это происходит у животных, а оказываются в большей или меньшей степени отличными от культурно-унаследованных, и соответственно история культуры является именно историей, самодвижением, развитием, а не «возвращением на круги своя», как сказано в Библии». По мнению М.С.Кагана данная формула была обусловлена слабыми инновационными тенденциями, характерными для ранних стадий развития человечества, в связи с чем, культуру этого периода и принято именовать традиционной. Но по мере усиления инновационных влияний, закон тождественного развития перестает действовать. Каждый

последующий виток спирали истории человечества становится все более и более широким, происходит накопление информации. Каждый из новых членов социума имеет все меньшие возможности для полного усвоения накопленных знаний, и потому структура духовного мира и практической деятельности людей становится все шире и раздробленнее.

Таким образом, те трактовки культуры, которые пытаются свести ее только ко «второй природе», т.е. совокупности творений человека или к его «духовным качествам» являются односторонними и неправомерными. Поскольку человек оказывается трехсторонней системой — био-социо-культурной, то теория культуры имеет экологический, социологический, антропологический и собственно культурологический разделы, которые соответственно изучают отношения «культура — природа», «культура — общество», «культура — человек» и взаимоотношения подсистем самой культуры. Поэтому философский анализ культуры должен охватить четыре проблемных поля, образуемых названными отношениями.

Культура представляет собой способ существования, деятельности и развития человека во всех масштабных срезях его бытия — и родового человека, когда мы имеем дело с культурой человечества, и разнообразных частей человечества, деятельность которых приводит к появлению конкретных модификаций общечеловеческой культуры — к культурам племени и нации, сословия и класса, поколения и профессионального объединения, наконец, индивидуального бытия человека, который является живым носителем культуры.

Гуманистическое мировоззрение, исходя из ценности человека, ценности его деятельности, становится нравственным гарантом деятельности, которая обладает внутренним этическим содержанием. Человек соотносит результаты деятельности (предполагаемые или достигнутые) с тем, к каким последствиям они приведут: конструктивным или деструктивным. Оно становится основой взаимодействия культуры и цивилизации. Гуманистическое мировоззрение, ориентируя человека на

разработку новых стратегий социально-экономического развития, ориентирует его и на собственное развитие, на развитие культуры.

В отечественной гуманистике последних лет (культурология, социальная и культурная антропология и др.) принято специально выделять «культурные институты» как исторически складывающиеся духовные образования: нравы, обычаи, ритуалы, моральные нормы, ценности, общественное мнение и т.д. Функционированием культурных институтов обеспечивается формирование менталитета социальной общности, устойчивость национальной культуры, духовность социальных связей и отношений. В этой связи наряду с процессом социализации, понимаемой как Л.И.Новиковым и А.В.Мудриком как «развитие и самореализации человека на протяжении всей его жизни в процессе усвоения и воспроизводства культуры общества», рассматривается процесс инкультурации индивида, тем самым оттеняется становление личности во взаимодействии с культурой данного социума. В трактовках процесса инкультурации существенно значим для философии образования акцент на формирование индивидуальной культуры как личностной системы качеств ума, характера, воображения, мотивации, самосознания, способов деятельности и других личностных образований индивида; понимание того, что в индивидуальной культуре личности заключены все возможности человека как субъекта жизнедеятельности.

В трактовках понятия «социализация» рассматривается также процесс трансляции и распространения культуры, передачи культурного наследия от одного поколения к другому. Понятие «инкультурация» оттеняет личностное начало этого процесса, его субъектность, такая акцентировка — следствие обращенности современной научной мысли к человеку, его культуре, его духовной жизни. По сути, социализация и инкультурация есть отражение в гуманитарном знании граней единого целостного процесса становления человека, жизнедеятельность которого, начиная с появления на свет, развертывается как «вхождение» в социум и культуру. Социализируясь, ребенок

усваивает комплекс морально-этических требований предъявляемых культурой среды, в которой он формируется. Его последующие ощущения удовольствия, счастья, мук совести так или иначе обусловлены социокультурным кодом, которые он присваивает в первые годы своего существования. Именно морально-этический комплекс, предлагаемый социумом, формирует нравственный закон человека, а также его навыки по обретению счастья и нахождению смысла своего существования. Мораль и нравственность, соответственно, определяют значения этического знания в единичном и особенном [3]. Это сфера психологического, чувственно-эмоционального восприятия этических норм, область свободы нравственного выбора, практических поступков людей.

Как неотъемлемое условие человеческой жизни, общественной самоорганизации мораль предшествует познанию. В то же время моральное начало, осознаваемое длительное время как безотчетно-должное, требует, рано или поздно, своего рационального обоснования, теоретического осмысления. Первые исторически известные образцы этических учений возникают сравнительно поздно, в рамках древневосточных философских традиций и в эпоху Античности [4]. Они лишь условно соответствуют современному пониманию теоретических проблем морали и носят, преимущественно, характер практических нравоучений, философских дискуссий о благе и добродетели, о сравнительной ценности слов и дел, намерений и поступков, природе добра и зла. Зрелые этические учения, в систематизированной форме обосновывающие цели познания, всеобщие принципы, нормы и правила морали, формируются только в рамках философии Нового времени.

Отношения людей в обществе бесконечно многообразны и в то же время конкретны. Они всегда строятся по поводу чего-то. Мораль, в отличие от конкретных, предметно обусловленных действий, всеобща, то есть проявляет себя как общественное начало в человеке. Она связывает людей воедино до всех их прочих связей. Это единственно возможное условие вза-

имного сосуществования людей, то пространство, в рамках которого человеческое бытие разворачивается именно как *человеческое*.

Этические категории используются не только при исследовании проблем этики и морали. К ним обращаются при рассмотрении любых вопросов, связанных с деятельностью человека. Операции с категориями этики вносят в изучение вопроса ценностно-нормативное содержание. Этим в некотором отношении расширяется диапазон осмысления объекта, благодаря чему он представляет с более богатым содержанием [5].

Имея императивно-волевое содержание, категории этики призывают к определенному поведению, общественная необходимость которого обусловлена представлением об общем («общественном» благо, выступающем как глубинный мотив поведения. Общее благо, осмысливаясь в сознании человека, трансформируется в общий интерес того или иного социума. Не случайно Сократ называл общественное благо субстанцией, базисом этических оценок и понятий [6]. Благо служит знаменателем этических оценок и суждений. Благодаря категории блага становится возможной аксиологическая функция морали и этики.

Мораль в качестве средств ориентации человека предлагает представления о смысле жизни, счастье, свободе, размышления о которых занимают каждого человека. И каждый должен определиться в них самостоятельно, ведь проблемы эти носят личностный, даже интимный характер [7].

Любая нравственная ценность выражает отношение субъекта к объекту, оценку субъектом объекта. Применительно к категории счастья следует отметить, что субъект в данном случае выступает в своей личностной модальности, а объектом оценки является жизнь этой личности. Счастье выражает положительную и интегрирующую оценку жизни, в роли оценки (нормативного комплекса) оно вторично по отношению к жизнедеятельности.

Счастье можно рассматривать и как своеобразный мотив деятельности, в этой своей "ипостаси" оно первично по отношению к ней, программирует ее [8]. В качестве мотива счастье существует как нечто, само собой разумеющееся, как не всегда осознаваемый фон деятельности, в той или иной степени (в зависимости от личности и обстоятельств ее бытия) определяющий жизненную стратегию, сложным образом (иногда чрезвычайно конфликтно) пронизывающий всю систему индивидуальных ценностей.

Что касается императивной характеристики счастья, то она весьма условна. Стремление к счастью - естественное желание, определяемое природой человека; внешнее повеление здесь, по существу, отсутствует, детерминация (если о ней можно вести речь) представлена как самодетерминация [9].

Выделяя эти три "образа" счастья, мы должны отдавать себе отчет, что в своем реальном, конкретном бытии счастье существует как сложный "сплав" оценки, повеления, мотивации, который специфически выражается на языке эмоционально-психологического аппарата человека.

«Человек создан для счастья, как птица для полета». В этом хорошо известном крылатом изречении народная мудрость зафиксировала то обстоятельство, что счастье относится к глубинным сторонам человеческого существования, к самой его природе. И уже только поэтому представление о том, что является счастьем должно выражать определенный срез нравственной жизни человека. Уже мыслителями древности ставился вопрос о соотношении счастья и добродетельного поведения. Видимо, многие могут сказать, что счастливые моменты, «миг удачи» может переживать и человек не просто непорядочный, но и преступник. Но в данном случае сам собой напрашивается вопрос: «А действительно здесь идет речь о счастье?». Может быть, об интенсивной радости, о восторге и т.д.? Пониманию сущности сознания счастья мешает не только сложность, глубинность этого явления духовной жизни человека, но и то, что само слово «счастье» употребляется в

обиходе в различных смыслах. Польский философ В. Татаркевич (1886-1980) в своей книге «О счастье и совершенстве человека» приводит несколько разновидностей употребления слова «счастье»:

1. счастье как удовольствие, наслаждение;
2. счастье как везенье, удача;
3. счастье как судьба (в древнегреческой мифологии Тихе считалась богиней судьбы и счастья, а Фортуна в Древнем Риме считалась богиней судьбы, счастья, удачи);
4. счастье как обладание значительными благами и т.д [10].

Другой исследователь английский психолог Майкл Аргайл в работе "Психология счастья" определяет счастье так - "Счастье можно рассматривать как осознание своей удовлетворительности жизнью или как частоту и интенсивность позитивных эмоций" [11].

На наш взгляд феномен счастья отражает не просто удовлетворенность человека жизнью, что разумеется, в принципе правильно, а более всего осознание человеком реализованности его сущностных сил в его деятельности, позитивно воспринимаемой его социальной средой. Таким образом, счастье - это состояние нравственной удовлетворенности человека реализацией его сущностных сил. Через деятельность и ее самооценку человек определяет уровень или меру своего счастья. О необходимости ценить каждый миг Омар Хайам писал:

Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь,
Дел сегодняшних завтрашней меркой не мерь,
Ни былой, ни грядущей минуте не верь.
Верь минуте текущей - будь счастлив теперь! [12]

Счастье условно можно было бы дифференцировать на общественное и личное. Общественное благо больших масс людей, народа, коллектива является основой, неременным фундаментом счастливой жизни отдельных людей. В цивилизованном обществе счастье личностью понимается как ощущение полноты своих духовных и физических сил в их общественном и

личном применении. Счастье других понимается не просто как счастье отдельных людей, живущих рядом друг с другом, а как народное благо.

Совокупность условий счастья должна быть подкреплена моральными качествами, мерами добродетельности человека. Условия счастья для высоконравственного человека являются предметом его забот о своем благополучии. Заботясь о личной пользе, люди способствуют делу благополучия всего общества. Дело, стало быть, в том, какие интересы в человеческой деятельности преобладают и побеждают, как защищают и развивают его достоинство. В многообразии ценностей главным и решающим является нравственность, которая реализует смысл и назначение жизни.

К сожалению, необходимо признать, что идею счастья в новых исторических условиях иногда подменяют *утилитаризмом* (Й. Бентам, Д.С. Милль), предложившим узко-рассудочную концепцию счастья, возродившую идею связи счастья и удовольствия. Цель утилитаризма - наибольшее удовольствие для наибольшего числа людей. Эта достаточно демократичная цель сочетается с моралью естественного человека, стремящегося к простым, но надежным удовольствиям: дружба, доброе имя, доброжелательность. Кратчайший путь к счастью - правильно понятый принцип полезности [13]. Таким образом, понятие счастья подменяется понятиями - удовольствия, выгоды, пользы, хотя они далеко не всегда совпадают (напр., брак по расчету включает выгоду, но не включает удовлетворение от любви).

Отметим, что формирование советской системы образования строилось на основе идеи всестороннего и гармоничного развития человека. В конце девяностых годов двадцатого века само понятие «идеология» было вычеркнуто из официальных документов МО РФ. Однако в качестве модуса концепцией развития системы образования России до 2010 года был предложен образ «конкурентноспособной личности». Полагаем, нет необходимости уточнять, что в условиях конкуренции нет места дружбе и взаимовыручке. Таким образом, уже на уровне официальных документов был

нарушен нравственный принцип коллективизма, который, по мнению философов и историков, являлся одним из центральных в социокультурном коде российской цивилизации (ценность соборности). Личное благо молодой человек в условиях конкуренции должен поставить выше общественного, что в свою очередь создает психотравмирующую ситуацию как для него, так и для окружающих.

Идея счастья содержит в себе значительный нормативно - ценностный аспект, выступая высшей ценностью, целью и нормой человеческой жизни. В обыденном сознании слово счастье ассоциируется с удачей, успехом, неожиданным выигрышем. В философии счастье связывается с личностными характеристиками человека как морального и культурного существа, способного совершать поступки, т.е. действия, которые не подчиняются законам естественной необходимости, а осуществляются по законам свободы. Эмпирически счастье невозможно измерить, логически его трудно определить. В тоже время предлагаемый в последние годы в России технологический подход к получению «счастья» скорее можно отнести к чужеродным элементам, вторгающимся в российскую культуру. Сохранение социокультурного кода общества является не столько путем к выявлению своей уникальности, сколько средством для обеспечения социальной и психологической безопасности граждан общества. Поскольку счастье, как высшая ценность к которой стремится человек и нормативный комплекс, который обуславливает чувство удовлетворения от совершаемой деятельности, имеет непосредственную связь с системой ценностей, закладываемой в конкретной культуре и в конкретном обществе.

Литература

1. Работа выполнена по проекту «Социокультурная адаптация студенческой молодежи к условиям современных трансформаций» в рамках программы президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям

2. Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание.-Л.:Изд-во Ленинградского университета, 1991.С.75
3. Росенко М.Н. и др. Основы этических знаний.- Спб.:Изд-во "Лань", 1998.- С.6
4. Иванов В.Г. История этики Древнего мира. - СПб.: Изд-во Лань, 1997.- С. 142-187.
5. Архангельский Л.М. Категории этики.- М., 1963.- С.221-223
6. Кессиди Ф. Х. Сократ. - М.,1976.-С. 151
7. Балашов Л.Е. Практическая философия.- М.:МЗ-Пресс, 2001.- С.131-137
8. Зеленкова И.Л., Беляева Е.В.Этика.- Мн.:НТООО "Тетрасистемс", 1997.- С. 102-123
9. Валеев Д.Ж. Введение в этику. О нравственном потенциале культуры. - Уфа, 1998.- С.16 .
10. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. - М.: Прогресс, 1980.-С. 42.
11. Аргайл Майкл. Психология счастья.- М., 1990.-С.42.
12. Хайам О. Рубаи. М.:ИПЦ "Русский Раритет", 1996. - С.9.
13. Гусейнов А.А., Апресян А.Г. Этика. Москва, 1998.- С. 85.